

Анна РОМЕР

Анна РОМЕР

**ТАЙНЫ
ТОРНВУДА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Р70

Серия «Свет в океане»

Anna Romer

THORNWOOD HOUSE

Перевод с английского *Е. Дод*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Selwa Anthony Agency и The Plot Lounge Agency.

Ромер, Анна.

Р70 Тайны Торнвуда : [роман] / Анна Ромер ; [пер. с англ. Е. Дод]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 512 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-100357-9

Прошлое должно оставаться прошлым?

Преуспевающий фотограф Одри не держала зла на бывшего любовника Тони: ведь он сделал ей лучший подарок в ее жизни — дочурку Бронвен. Но однажды случилось неожиданное: Тони трагически погиб, завещав ей и Бронвен прекрасное фамильное поместье неподалеку от провинциального австралийского городка Мэгпай-Крик.

Прошлое — всего лишь лекарство от скуки?

Одри надеялась: они с дочкой будут счастливы в Торнвуде. Но эта сильная, решительная женщина не могла быть готова к тому, что именно начнет открываться ей с каждым днем жизни в доме чужой семьи. Семьи, хранившей множество секретов...

У прошлого длинные тени...

Шаг за шагом Одри, сама того не желая, раскрывает тайну прошедших лет — тайну страсти и предательства, любви и безумия, ненависти и прощения...

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-100357-9

© Anna Romer, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Посвящается Саре
За жизнь, полную любви, дружбы и веры...
Я так рада, что ты моя сестра!*

Если ты вверишь свои тайны ветру,
не кори его за то,
что он откроет их деревьям.

Х. Джебран

Пролог

Солнечным днем прогалина на краю оврага напоминает сказочную поляну. Ленты золотистого света трепещут в верхушках деревьев, а птицы-звонари наполняют воздух звенящей песней. Теплый ветерок приносит пряный аромат полевых цветов, а глубоко в тенистой утробе оврага журчит по древнему руслу ручей.

Но затем, с приходом сумерек, небо быстро темнеет. Среди деревьев роятся, гоняясь за светом, тени. Солнечные лучи исчезают. Когда же с запада накатывает, неся дождь, строй черно-лиловых туч, птицы укрываются в зарослях акации и терновника.

Теперь, в ярком свете луны, это место выглядит совершенно по-другому. Напоминает ночной кошмар. Что-то потустороннее. Открытое пространство, поросшее серебристым мятликом, окаймлено эвкалиптами с черными стволами, а в центре высится валун в форме рыбьего плавника.

Меня влечет к валуну. Кажется, он шепчет что-то, у его основания возникают тени. Я подхожу ближе. По телу бегут мурашки. Я спотыкаюсь в темноте и останавливаюсь, прислушиваясь, стараясь различить звук голоса, приглушенный вскрик или рыдание, но слышу лишь стук дождя по листьям и свое прерывистое, хрипловатое дыхание. Ниже по склону глухо прыгают невидимые в кустарнике валлаби, а вверху кто-то размеренно подает голос — вероятно, кукушечья сова, аборигены называют ее «бубук».

— Брон... ты здесь?

Ответа я не ожидаю, но когда не получаю его, начинаю еще больше паниковать. Я ищу сломанную ветку, дорож-

ку примятой травы, обрывок знакомой одежды, забытый на земле... но здесь нет ничего от моей дочери, ничего от мужчины, который ее похитил.

Я вглядываюсь в тени, пытаюсь различить что-нибудь за силуэтами деревьев, которые меняются и качаются вокруг меня. Молния освещает земляную тропку, уходящую вверх по холму через подлесок. Я нерешительно продвигаюсь к ней, потом останавливаюсь. У меня холодеет затылок, когда я чувствую, что я не одна. Кто-то рядом — должно быть, он. Прячется среди деревьев. Наблюдает. Мне представляется, что он скользит по мне взглядом, прикидывая, как лучше нанести удар.

Когда он это сделает, я буду готова.

В любом случае именно это я не устаю себе повторять. По правде говоря, у меня складывается ощущение, будто я уже тысячу раз переживала этот сценарий, мешкая на пустынной поляне в ожидании, когда меня найдет смерть, но всякий раз ошибаясь в критический момент.

Воздух вдруг становится холодным. По моему лицу струится дождь. Деревья гнутся в разные стороны под порывами влажного ветра, и с верхних веток сыплются цветы, принося резкий запах эвкалипта.

Щелкает ветка, громко, несмотря на дождь; звук неприятный — словно косточка сломалась. Я круто поворачиваюсь в ту сторону. Сквозь тучи просвечивает, озаряя поляну, молния. Одинокая тень на другом конце прогалины привлекает мой взгляд. Она отделяется от общей тьмы и движется ко мне.

Я мгновенно узнаю его.

Крупный мужчина. Смутно белеет его лицо, влажно блестит кожа. При взгляде на его лицо кровь стынет у меня в жилах.

— Здравствуй, Одри.

И только теперь я вижу, что в руке он сжимает топориче.

Глава 1

Одри, сентябрь 2005 года

Грозовые тучи синяками пятнали небо над кладбищем. Была только середина дня, но уже стемнело. Большая группа собравшихся на похороны стояла на травянистом склоне холма, укрываясь под ветвями старого раскидистого вяза. На верхних ветках беспокойно перелетало с место на место семейство грачей, их крики только подчеркивали тишину.

Грачи. Тьма. Смерть.

Это пришлось бы Тони по душе.

Я с трудом сглотнула, желая очутиться где угодно, только не здесь; где угодно, только бы не стоять под дождем, дрожа от холода в позаимствованном черном костюме, мысленно прощаясь с мужчиной, которого я когда-то, как мне казалось, любила.

Бронвен стояла рядом со мной, на фоне темно-синего платья ее светлые волосы и кожа лица казались еще ярче. Ей было одиннадцать лет, высокая для своего возраста и поразительно красивая девочка. Она держала над нашими головами зонтик, тоненькие пальцы, сжимавшие ручку, побелели.

Невзирая на дождь, невзирая на взгляды и приглушенный шепот за нашей спиной, я была рада, что мы пришли. Кто бы что ни сказал, я знала, Тони был бы не против нашего присутствия здесь.

Гроб завис над могилой на надежных тросах, прикрепленных к стальной раме. На груду земли рядом, которая

позднее заполнит яму, было наброшено покрывало из искусственной травы. Землю устлали громадные венки из белых лилий и алых антуриумов. Они выглядели дорого, и срезанные мною розы казались среди них неуместными.

Под дождем блестело все: латунные ручки гроба, гирлянды лилий, сгрудившиеся зонты. Блестела даже лысая голова священника, читавшего нараспев из Писания: «И будешь унижен, с земли будешь говорить, и глуха будет речь твоя из-под праха, и голос твой будет, как голос чревовещателя...»*.

Дождь приглушал древние слова, произносившиеся с такой торжественностью, что, казалось, они идут из другого времени. Если бы они были правдой. Если бы Тони мог сейчас заговорить со мной, рассказать, что двигало им в последние, полные отчаяния дни.

Сверкнула молния, оглушительно грянул гром. Грачи снялись со своих мест и улетели.

Бронвен подвинулась поближе ко мне.

— Мам? — В ее голосе послышалась паника.

Блоки, державшие гроб на весу, пришли в движение. Длинный черный ящик начал опускаться. Я схватила Бронвен за руку, и мы прижались друг к другу.

— Все будет хорошо, Брон.

Я хотела ободрить ее, но каким образом все может снова быть хорошо?

В поисках поддержки я ухватилась за воспоминание: лицо Тони, каким я больше всего хотела его запомнить, — румяные щеки, черные волосы встрепаны, голубые, как сапфиры, глаза светятся, когда он смотрит на крохотный сверток — свою новорожденную дочь, которую держит на руках.

— Какая она красивая, — бормочет он. — Настолько красивая, что невозможно оторвать взгляд.

* Книга пророка Исаии, 29:4.

Бронвен потянула меня ближе к краю могилы, и вместе мы не отводили взгляда от гроба. Казалось невозможным, чтобы человек, который так любил жизнь, лежал теперь в этой болотистой земле под завесой дождя. Невозможным, что именно он из всех людей так легко сдался.

Бронвен поцеловала собранный ею для отца подарок и выпустила его из рук — он упал на крышку гроба. В свертке лежало ее письмо для него, пакетик его любимых лакричных конфет и шарф, связанный Бронвен к дню рождения отца. Я услышала шепот дочери, но дождь заглушил слова. Когда ее плечи задрожали, я поняла, что она сейчас заплачет, и сказала:

— Идем.

Мы повернулись и начали спускаться по склону к тому месту, где я поставила свою старенькую «Селику». Пока мы шли, к нам поворачивались головы, лица казались бледными на сером кладбищенском фоне.

Не обращая на них внимания, я на ходу обняла Бронвен за плечи. Рукав у нее промок, и сквозь ткань я ощутила холод тела. Девочке требовалось попасть домой, в кокон тепла и безопасности знакомой территории; ей сейчас были нужны суп с тостом, пижама, пушистые тапочки.

— Одри!

Я подняла глаза и от неожиданности отпустила Бронвен. Разом ослабела, во рту пересохло. Что за глупый страх? Я сделала вдох и обрела дар речи:

— Здравствуй, Кэрл.

Безупречное, словно вырезанное из мрамора лицо, прорывающееся во взгляде напряжение, волосы завязаны в узел на затылке. Я, как обычно, поразилась красоте этой женщины.

— Я рада, что вы пришли, — тихо проговорила она. — Тони захотел бы, чтобы вы обе присутствовали. Здравствуй, Бронвен, милая... Как ты?

— Хорошо, спасибо, — уставившись в землю, вяло ответила Бронвен.

Я достала ключи.

— Брон, подождешь в машине?

Дочь взяла ключи и поплелась вниз по мокрому склону. У подножия холма она пробиралась между автомобилями, пока не отыскала «Селику». Мгновение спустя она скрылась в салоне.

— Как она на самом деле? — спросила Кэрол.

— Справляется, — ответила я, не вполне уверенная, что это правда.

Мы стояли одни на склоне. Участники похорон, подгоняемые дождем, торопились вернуться в свои машины. Кладбище почти опустело. Кэрол смотрела вниз по склону, поэтому я украдкой пристальнее взглянула на нее — восхищаясь совершенными чертами ее лица, дорогой одеждой, манерой держаться. На Кэрол было черное платье, приталенное и элегантное, у основания шеи поблескивал кусочек льда. Вероятно, бриллиант. В уголках глаз собрались тоненькие морщинки, но они лишь усиливали ее очарование. Неудивительно, что ради нее Тони бросил все.

Кэрол поймала мой взгляд и нахмурилась.

— Я знаю, о чем ты думаешь. О том же, что и все остальные... Но ты ошибаешься. Мы с Тони отлично ладили, наш брак... — Она судорожно вздохнула. — Наш брак был как никогда крепким. Отношения у нас были хорошие в течение долгого времени.

— Ты не могла знать наверняка, Кэрол.

Она покачала головой, ее взгляд остекленел.

— Но ведь в том-то все и дело, верно, Одри?.. Уж я-то должна была знать.

— В поступке Тони нет ничьей вины. Не вины себя.

— Я не перестаю думать, что если бы я... проявляла больше внимания. Была бы заботливее. Понимаешь, в тот вечер, когда он уехал, я поняла: что-то произошло.

Я нахмурилась.

— О чем ты?

— Ну... мы сидели дома в гостиной. Я смотрела телевизор, а Тони пролистывал газету. Я взглянула на него, а он сидел, уставившись в пустоту... Страшно побледневший. Затем встал, сложил газету и направился к двери. И все повторял: «Они его нашли. Они его нашли». Потом вышел из дома. Я слышала, как завелся автомобиль, как зашуршали колеса по гравию дорожки. Тогда я видела его в последний раз.

— Что он имел в виду? Кого нашли?

Кэрол покачала головой:

— Не знаю. Потом уже я просмотрела газету, которую он читал, надеясь найти подсказку, но там не было ничего, что дало бы зацепку... Можешь представить, в каком я была отчаянии.

— Он не звонил?

— Нет, но десять дней спустя позвонили из полиции. — Кэрол шагнула ближе, стараясь поймать глазами мой взгляд. — Скажу тебе, что это было самое страшное потрясение в моей жизни. Тони умер, вот так. Когда мне сказали, что его тело нашли в Квинсленде, рядом с городком под названием Мэгпай-Крик, я подумала, что говорят о ком-то другом... Господи, это было так внезапно, так неожиданно. Я не знала, что у него есть ружье...

Я вздрогнула, и глаза Кэрол расширились. На ее реснице задрожала слезинка.

— Прости, — сказала Кэрол, — но это самое странное. Тони боялся огнестрельного оружия... он ненавидел любое насилие, ведь так?

С того самого момента, как я узнала о смерти Тони от общего друга, я не переставала размышлять на ту же тему. Гадать, почему Тони, приверженец мира, любви и доброй воли для всех, предпочел так ужасно закончить свою